

4. **Маслоу А.** Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб, «Питер». 2003. - С. 64 -72.
 5. Правляча еліта сучасної України. Аналітична доповідь № 10 / М. Шульга, О. Потехін, Н. Бойко, О. Порохонська, Т. Шульга. – К., 1998. – 64 с.
 6. Теория элит: социология политики: монография / Л. Васильева. – М. : Социум, 2011. – 208 с.

УДК 327. 39+330. 161 (477)

А. А. Ирхин

УКРАИНА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Анализируются геополитические характеристики украинского пространства и выделяются перспективы интеграции в евразийский и европейский интеграционные проекты.

Ключевые слова: Украина, геополитические параметры, пространство, интеграция.

Аналізуються геополітичні характеристики українського простору та виокремлюються перспективи інтеграції в євразійський та європейський інтеграційні проекти.

Ключеві слова: Україна, геополітичні параметри, простір, інтеграція.

Geopolitical characteristics of Ukrainian area are analysed and perspectives of integration to Euro-Asian and European integrational projects are marked out

Keywords: Ukraine, geopolitical characteristics, space, integration

© А. А. Ирхин, 2012

Четыре системные переменные: мировой экономический кризис, рост новых центров силы, убывающая мощь США и усиление роли транснациональных компаний взаимно влияют друг на друга, определяя модель будущего мирового порядка. Несмотря на технологические достижения в области НТР и перенесение акцента в процессе конкуренции государств в область «мягкой силы» и финансовых технологий, борьба за геополитическое пространство остается основной сферой соперничества великих держав, а в современном мире две противоположные тенденции – глобализация и регионализация (логика сфер влияния) жестко конкурируют между собой, формируя значительный потенциал конфликта.

Проблемы развития факторов, оказывающих влияние на формирование новой системы международных отношений, освещают в своих работах следующие украинские и российские исследователи: В. Алчинов, В. Байнев, В. Барановский, Б. Батура, И. Бусыгина, О. Буторина, С. Глазьев, А. Гончаренко, В. Горбулин, С. Гридин, Р. Гринберг, А. Грицаенко, М. Гулиев, М. Гузенко, О. Гурова, М. Делягин, В. Дергачев, Г. Джемаль, А. Дугин, Е. Елисеев, А. Ермолаев, Е. Ефимова, М. Згуровский, И. Зевелев, О. Золотокрылин, Л. Ивашов, А. Ирхин, И. Измоденов, Б. Кагарлицкий, Е. Каминский, Б. Канцелярук, С. Караганов, С. Кара-Мурза, С. Маркедонов, С. Михеев, Н. Нарочницкая, А. Никифоров, А. Панарин, И. Пантин, А. Паршев, С. Переслегин, И. Побединский, Е. Сулима, А. Ставицкий, С. Толстов, А. Уткин, С. Федуняк, А. Филатов, М. Хазин, Н. Черкасов, В. Шевченко, М. Шепелев, Ю. Шишков, М. Шумилов, А. Шутов, С. Юрченко [1].

Из современных американских и европейских историков и политологов, специализирующихся на исследовании данной темы, можно выделить следующих авторов: З. Бжезинский, Ф. Бродель, Б. Бюзан, И. Валлерстайн, Т. Грэм, М. Дойл, Д. Дрезнер, К. Кайзер, Р. Каплан, Ч. Капхен, П. Кеннеди, Р. Кеохейн, Г. Киссинджер, М. Коннелли, А. Коэн, Д. Крамер, С. Лерабби, Л. Линдерберг, Г. Люндстад, Дж. Най, Д. Макгваер, Ч. Мейер, Дж. Миршаймер, А. Пар, М. Смит, Э. Тоффлер, Дж. Фридман, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон [2] и другие.

Целью данной публикации является определение геополитических параметров украинского пространства. Задача статьи состоит в идентификации на основе выделенных геополитических параметров оптимального внешнеполитического – интеграционного вектора Украины.

Современное украинское государство складывалось из различных частей трёх империй: Османской, Австро-Венгерской и Российской.

Геополитические параметры Украины можно свести к следующим:

- 1) разделённость государства по линии цивилизационного разлома, производной которого является геополитическое районирование страны;
- 2) украинская территория является границей – промежуточным пространством между Европой и Россией. Причем эта разграничительная линия проявляется не только в народона-

селении, традициях и религии, но и прохождении климатических изотерм, что обуславливает производственные цепочки, особенности ведения сельского хозяйства, строительства и другие важные для жизнедеятельности общества факторы. При этом, если для Большого евразийского пространства данные территории представляются чрезвычайно привлекательными для размещения конечных звеньев производственных цепочек, вследствие радикально сурового климата в других его частях, то для Большого европейского пространства данные окраины не выглядят такими презентабельными, из-за более благоприятных климатических условий (см. раздел Большое евразийское пространство);

3) неравномерное распределение точек экономического роста и производства: Восток – крупная промышленность, Запад – сельское хозяйство. Только четыре региона (г. Киев, Киевская, Донецкая и Днепропетровская области) через свою внешнеэкономическую деятельность формируют 60 % всего торгового оборота Украины в 2008-2009 гг. и 56 % в первом полугодии. Одновременно доля 13 областей Украины (АР Крым, Винницкая, Волынская, Житомирская, Кировоградская, Ровненская, Сумская, Тернопольская, Херсонская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая и Черниговская) колеблется в границах 0,4 – 1,8% от показателей торгового оборота товарами. Доля Закарпатской, Запорожской, Ивано-Франковской, Харьковской, Луганской, Львовской, Николаевской, Одесской, Полтавской составляет 2-9 % [3, с. 270].

4) наличие значительных водных (пресных) ресурсов. Причем, исходя из евразийской особенности рек (правильное половодье), на Востоке Украины почти не присутствует такой фактор, как разрушительные наводнения, вследствие весеннего разлива. В то же время, в западных регионах, вследствие природных особенностей, присущих в большей мере Европе, данное природное явление является регулярным;

5) наличие благоприятной ресурсной базы для развития тяжелой промышленности, металлургии и сельского хозяйства;

6) украинское пространство является транзитным. Данная особенность является системной – если в период Киевской Руси основные потоки проходили с Севера на Юг «Из варяг в греки», то в настоящее время основные транспортные пути, идущие через Украину, функционируют в широтном направлении с Востока на Запад и наоборот;

7) Украина располагает выходом в Черное море, что обуславливает ценность украинских портовых мощностей для Евразии, в то же самое время, в экономической плоскости данный фактор делает Киев конкурентом восточных окраин (Румыния) Большого европейского пространства;

8) геополитическое районирование государства даёт следующие производные: Запад и Восток Украины, исходя из исторических особенностей формирования территории, ориентируются на конкурентные геополитические центры, элиты данных регионов способны сформировать внешнеполитический курс государства и определиться с цивилизационным путем развития. В то же время, центральные области государства присоединяются к данному выбору, практически безболезненно реагируя на смену парадигмы развития.

Украинский исследователь А. Никифоров пишет в этом контексте: «... Формирование современной государственной территории Украины происходило в рамках Российской империи – СССР и включало в себя ряд этапов. Первый (конец XVI – конец XVII вв.) характеризуется вычленением из состава Речи Посполитой территории Малороссии (Среднего Приднепровья) и началом колонизации Слобожанщины (Восточной Украины), в которой малоросский элемент участвовал вместе с великоросским. Вторым (вторая половина XVIII – XIX вв.) имел характер ускоренного колонизационного освоения Северного Причерноморья (особенно после 1783 г.). Здесь малороссы обосновываются также одновременно с великороссами. На этот этап приходится и присоединение к Российской империи Правобережья Днепра (Полесье, Подолье, Вольнь).

Третий (до середины XX в.) ознаменовался включением в состав СССР Восточной Галиции (1939 г.), Северной Буковины, Южной Бессарабии (1940 г.) и Закарпатья (1945 г.), а также передачей Крымского полуострова в административное подчинение УССР (1954 г.).

Нетрудно заметить, что на всех этапах история различных украинских регионов складывалась по-разному. Если на восток и юг украинцы продвигались в процессе переселенческой колонизации, то западные этнические украинские земли отбирались у государств, в состав которых они входили более или менее долгое время (Правобережье – у Речи Посполитой; Галиция – у Польши; Северная Буковина и Южная Бессарабия – у Румынии; Закарпатье – у Чехословакии)» [4, с.75-90].

Как отмечает украинский исследователь Ю. В. Павленко, обвальный крах СССР способствовал процессу переориентации идентичностей в национальную плоскость, а средства массовой информации большинства государств сразу же после провозглашения их независимости актив-

но принялись закреплять в массовом сознании ценности этно-государственной идентичности, не понимая, как правило, что современные нации создаются не на основе этноязыковых признаков (что естественно тоже немаловажно), а на общегражданском, в пределах государства как социально-политического организма, единстве людей безотносительно к их национальному происхождению. Но такие пропагандистские усилия (тем более при катастрофическом ухудшении качества жизни абсолютного большинства граждан новых государств в течение первого десятилетия их независимого существования), вполне не закономерно с теоретической точки зрения, но неожиданно для национал-радикалов стали давать в Украине противоположный эффект. Оказалось, что для основной массы обитателей Украины, восточных, южных, а также в значительной мере, и в центральных областях, ценности и приоритеты советского времени – минимальная социальная защита, скромный, но гарантированный достаток и пр. куда важнее, чем этно-национально-языковые ценности. Первостепенная для многих жителей преимущественно западных и, отчасти центральных областей национально-языковая самоидентификация оказывается далеко не главной в ценностной системе представителей других регионов Украины [5, т.2, с.443].

По мнению американского ученого С. Хантингтона, Украина – расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по её центру вот уже несколько столетий. В различные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть её населения является адептами униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского. Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски. В начале 1990-х гг. русские составляли до 22 %, а русскоговорящие – 31% населения Украины. Большая часть учеников начальных и средних школ получала образование на русском языке. Крым в подавляющем большинстве населения является русским и был частью России до 1954 г., когда Хрущев, якобы в честь принятого Хмельницким 300 лет назад решения, передал его Украине. Наиболее очевидно этот раскол Востока и Запада проявился на президентских выборах в июле 1994 г. Действующий президент, Л. Кравчук, который, несмотря на тесные связи с российскими лидерами, идентифицировал себя как «национального политика», победил в двенадцати областях западной Украины с большинством, доходившим до 90%. Его оппонент Л. Кучма, который во время предвыборной кампании брал уроки разговорного украинского языка, одержал победу в 13 восточных областях, набрав 52 % голосов. Примечательно, что украинская общественность с очень небольшим перевесом голосов подтвердила выбор Б. Хмельницкого 1654 г. [6, с.256].

В Западной Украине, входившей в качестве периферийной зоны в Западно-Центральноевропейскую общность в течение шести веков, этническая принадлежность была жестко связана с другими статусными позициями индивида и в значительной, если не в решающей, степени определяла жизненные способности человека [7, т.2, с.443]. Украинцы (русины) были преимущественно крестьянами, поляки – панями и землевладельцами, евреи управляющими и арендаторами. В обстановке, когда попытка перейти на другой язык или в другую веру воспринималась, как измена, к тому же не имевшая практического смысла: свои такого человека отторгали, а чужие полностью в свой круг не принимали. Национальность, таким образом, заведомо определяла круг знакомств и профессиональную ориентацию, доступ к той или иной культурной традиции, возможности социального продвижения. Таким образом, жесткая национально-языково-конфессионально-культурно-социальная сегрегация при возможности политической консолидации по национальному признаку создавала тип национально акцентуированного человека, в первую очередь идентифицировавшего себя как личность со своим народом [8, т.2, с.444].

В евразийском пространстве (Российской империи) положение украинцев было принципиально другим. Они были интегрированы в политическую, интеллектуальную и духовную элиту в общеимперском проекте и представлены во всех социальных слоях. Более того, по свидетельствам евразийца Н. С. Трубецкого на рубеже XVII и XVIII вв. произошла украинизация великоросской духовной культуры, когда украинский человеческий, культурный и духовный потенциал нашел свою реализацию в модернизации Российской империи [9, с.321]. В последствии такая интеграция украинцев в элиту Большого евразийского пространства проявляется уже в советском проекте при Н. Хрущеве и Л. Брежневем.

Производной данной ситуации является разновекторные интеграционные устремления украинской политической элиты.

К примеру, как отмечает украинский исследователь С. В. Юрченко: «... в новейшей истории Украины, пожалуй, нет вопроса, более разделяющего элиту и население, чем проблема вступле-

ния в НАТО. Украина выступает в качестве субрегионального объекта политики трех центров силы: России, ЕС и США. Поэтому стоит вопрос – либо выбор внешнеполитической ориентации на конкретную военно-политическую силу, либо сбалансированный курс.... За последние 200 лет, то есть именно в эпоху национализма и формирования и реализации национальных проектов, в Украине сложилась традиция позиционирования относительно России и Европы... В конце 1980-х она вернулась на территорию Украины и после 1991 стала доминирующей в сознании интеллектуальных элит... Указанная дихотомия оказывает влияние на внешнюю политику страны, отражая раскол политических элит в выборе вектора внешнеполитической ориентации. При этом особую роль играют представители финансово-промышленных группировок, связанных с черной металлургией, экспорт продукции которой дает две трети валютной выручки. Эти круги заинтересованы как в расширении рынков сбыта в Европе, так и в сохранении благоприятного режима поставок энергоресурсов из России [10].

В результате данного разделения отношения Украины и России могут развиваться тремя путями: конфликт, хотя и маловероятный с Россией, раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которой войдет в состав России, и третий, наиболее вероятный – Украина останется единой, расколотой, независимой и в целом будет тесно сотрудничать с Россией [11, с.258]. Поэтому американский исследователь С. Хантингтон призывает «мозговые центры США» готовиться к двум сценариям – развалу Украины по линии цивилизационного разлома и сохранению её в качестве единого государства.

Однако у украинского раскола есть свои специфические особенности. Так, Ю. Н. Пахомов отмечает, что характерной особенностью (удивительной для обездоленной страны) украинского раскола, явно проявившегося в 2004 г., состояло в том, что за пределами первого тура (где были и основательно обесилившиеся левые) не было традиционного противостояния по линии «богатые – бедные». Основной причиной такого положения дел является девальвация и обесценивание левой идеи советского образца. Задержка с появлением новой левой идеи в Украине связана напрямую с продажностью нашей демократии, со скупкой голосов и приходом не только во власть, но и в политику в основном самых богатых, – за счет банальной скупки электоральных голосов. Ведь у нас в парламенте 300 миллионеров – это в самой бедной стране! Это привело к отсечению от Верховной Рады других слоев общества, в том числе интеллигенции. Возникшая пустота социальной идеологии была заполнена, условно говоря, «этно-социо-регионализмом» [12, т.3, кн.2, с.572, 573].

В этом контексте будет справедлив вывод о том, что украинские политические элиты эксплуатируют достаточно высокий образовательный уровень населения страны, выдвигая в своих программах не социальные (самые необходимые потребности человека в пирамиде Маслоу), а идейные этно-религиозные факторы электорального поля, «удешевляя» тем самым свои социальные обязательства.

При определении уровня субъектности Украины целесообразно обратиться к методологии З. Бжезинского, который разделяет государства на две категории – геостратегические действующие лица и геополитические центры. Геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем, чтобы изменить – до степени, когда это отражается на интересах Америки, – существующее геополитическое положение. В тоже время другая категория – геополитические центры – это государства, чье значение вытекает не из силы и мотивации, а скорее из их важного положения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц [13, с.55]. Исходя из приведенной схемы, Украина является геополитическим центром, то есть государством с низким уровнем субъектности. Все попытки сделать государство региональным лидером обречены на провал, вследствие необеспеченности адекватными ресурсами данной политики.

В определении уровня субъектности Украины при вхождении в европейский или евразийский интеграционные проекты необходимо учитывать ретроспективный анализ политики, которую проводили Запад и Восток в отношении украинских земель. В этом плане необходимо отметить, что, несмотря на масштабную мистификацию последних двадцати лет совместного российско-украинского прошлого, западные ассимиляционные подходы в отношении украинских земель исключали какую-либо форму компромисса по сохранению украинского языка, культуры и даже религии. Создавались социально-политические условия, при которых украинцы должны были стать поляками, венграми или чехами или упасть на социальное дно без украинского будущего для своих детей. Россия же проводила более толерантную политику, что связано с реализацией восточных имперских традиций [14]. Еще одной производной указанной модели взаимодействия Украины и Большого европейского пространства является тот факт, что, как правило, та часть элиты Украины, которая пытается заручиться поддержкой Большой

Європы в антиевразийских устремлениях, платит за реализацию своих интересов территорией государства. В этом плане прослеживается тенденция «неравнозначного обмена», так как государственное пространство является одной из высших ценностей системы народов, ведущих оседлый образ жизни (исключение могут составлять цыгане, хотя понятие пространства и территории для них тоже существует, но в других, клановых категориях). Последним историческим примером является прецедент с Румынией в 2009 г. В этом контексте украинское пространство является объектом исторических и политических претензий Румынии, Венгрии и Польши, которые активно разрабатывают и реализуют программы по отторжению своих «национальных», как им представляется, пространств, используя ресурсы ЕС.

Используя цивилизационный подход украинские исследователи Е. Сулима и М. Шепелев, в этом контексте отмечают, что каждое государство характеризуется моноцивилизационной или полицивилизационной идентичностью в зависимости от того опирается ли она на одну или несколько цивилизационных традиций либо формируется, как пограничное пространство определенной цивилизационной системы. Цивилизационную идентичность Украины можно охарактеризовать, как осознанную принадлежность к континентальному типу цивилизаций, а формирование её государственности происходило на основе православной цивилизационной традиции с учетом современного цивилизационного раскола страны. Современный внешнеполитический курс, напротив, направленный на вовлечение Украины в иноцивилизационные политические, военные и экономические структуры, что в свою очередь закрепляет ее место в качестве периферии, усиливая тем самым процессы её маргинализации [15, с.487].

Таким образом, геополитические характеристики Украины можно свести к следующему.

Во-первых, государство в цивилизационном и геополитическом аспекте является разделенным. Линия разлома делит геополитическое пространство страны как минимум на две части. При более детальном рассмотрении украинское пространство дает большее количество регионов, имеющих тенденции к большей автономизации и историческое обоснование данных процессов, отсюда следуют попытки обсуждения проблемы федерализации Украины.

Во-вторых, за исключением узкой прибрежной полосы Крыма, по климатическим признакам рассматриваемая территория относится к евразийскому пространству.

В-третьих, государство является объектом геостратегических процессов. Попытки придать государству роль субъекта обречены на внешнеполитический популизм, вследствие недостатка всех видов ресурсов и психологии элиты. Поэтому Украина вынуждена встраиваться в ряд чужих проектов, пытаясь сохранить как можно большее пространство для политического маневра и получить как можно больше экономических выгод от каждого из субъектов.

В-четвертых, в системе координат реалистической внешнеполитической стратегии данные характеристики пространства ставят выбор между интеграционными моделями, которые поддерживают и повышают уровень геополитической субъектности и проектами, которые продолжают его снижать. Гипотетический вариант европейской интеграции предполагает место в периферии данного пространства (пространственной, интеллектуальной, экономической и политической). Как показывает исторический и геополитический опыт, евразийская интеграция дает возможность попасть в ядро формирующегося Большого евразийского пространства.

В-пятых, проблема евразийского вектора интеграции Украины состоит в низком уровне экономической и геополитической субъектности интеграционного центра – современной России. Ее элита расколота, за редким исключением полностью интегрирована в западный мир и оторвана от аборигенного, местного населения, находясь в системе координат ограниченного развития, созданной западным миром исключительно под себя и свое мировосприятие. Элиты периферии и полупериферии в данной системе координат оторваны от населения и ориентируются на внешние центры управления и не выполняют свои функции.

Библиографические ссылки:

1. **Юрченко С. В.** Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств / С. В. Юрченко // Чорноморська безпека. – № 4 (10). – 2008. – С. 3-5.
2. **Huntington. S.** Who Are We? The Challenges to America's National Identity/ Samuel P. Huntington – New York. : «Simon & Schuster», 2004 – 428 p.
3. Україна в 2010 році: щорічні оцінки суспільно-політичного та соціально-економічного розвитку: монографія / за ред. А. В. Єрмолаєв. – К. : НІСД, 2010.
4. **Никифоров А. Р.** Геополитический смысл Украины / А. Р. Никифоров // Русский геополитический сборник. – 2000. – №4. – С. 75-90.
5. Цивилизационная структура современного мира: [в 3 т.] / под редакцией Ю. Н. Пахомова, Ю. В. Павленко [и др.]. – Киев: Видавництво «Наукова думка» НАН України, 2007. – 691 с.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Хантингтон С. – М. : ООО Издательство АСТ, 2003. – 603 с.
7. Цивилизационная структура современного мира: [в 3 т.] / под редакцией Ю. Н. Пахомова, Ю. В. Павленко [и др.]. – Киев: Видавництво «Наукова думка» НАН України, 2007. – 691 с.
8. Там же.
9. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана / Трубецкой Н. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
10. Юрченко С. В. Внешняя политика Украины очень нуждается в паузе [электронный ресурс] / С. В. Юрченко. – Режим доступа: <http://www.bigyalta.com.ua/story/211>.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Хантингтон С. – М. : ООО Издательство АСТ, 2003. – 603 с.
12. Цивилизационная структура современного мира: [в 3 т.] / под редакцией Ю. Н. Пахомова, Ю. В. Павленко [и др.]. – Киев: Видавництво «Наукова думка» НАН України, 2007. – 691 с.
13. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Збигнев Бжезинский. – М. : «Международные отношения», 1999. – 256 с.
14. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / Ирхин А. А. – Севастополь: Ребест, 2011. – 293 с.
15. Суліма Є. М. Глобалістика: підручник / Є. М. Суліма, М. А. Шепелев. – К. : Вища освіта, 2010. – 544 с.

УДК 323. 2

І. І. Іванова

ПОЛІТИЧНА АПАТІЯ ЯК ФЕНОМЕН СУЧАСНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ПРАКТИКИ

Висвітлено основні підходи до розуміння явища політичної апатії, окреслено загальне розуміння даного феномену у сучасній політичній науці, а також виокремлено та проаналізовано два типи політичної апатії, характерні для країн Заходу та пострадянських країн.

Ключові слова: політична апатія, політична пасивність, Захід, пострадянські країни.

Освещены основные подходы к пониманию явления политической апатии, обозначено общее понимание данного феномена в современной политической науке, а также выделены и проанализированы два типа политической апатии, характерные для стран Запада и постсоветских стран.

Ключевые слова: политическая апатия, политическая пассивность, Запад, постсоветские страны.

The paper considers basic approaches to understanding the phenomenon of political apathy, outlines general understanding of this phenomenon in modern political science. The author also allocates and analyzes two types of political apathy which inherent in Western countries and post-Soviet countries.

Keywords: political apathy, political passivity, West, post-Soviet countries.

© І. І. Іванова, 2012

Розвиток демократії та громадянського суспільства, політична свобода, закріплення та визнання на світовому рівні прав громадян на участь у виборах та різноманітних політичних організаціях тощо, здавалося б, мали стимулювати перманентну інтенсифікацію політичної активності громадян, зростання їхнього інтересу до політичної сфери. Проте, як свідчить досвід багатьох демократичних країн, часто спостерігається прямо протилежна тенденція. Політична апатія як втрата інтересу до політики, незацікавленість у політичній діяльності, політична неучасть нині стає тенденційним явищем і, більше того, набуває симптоматичного характеру. Україна теж не є винятком. Після спалаху політичної активності у 2004 році спостерігається різке зниження політичної участі населення. Очевидно, що дана ситуація не сприяє розвитку демократії та легітимації влади. Тому постає питання щодо комплексного вивчення феномену політичної апатії: його витоків, причин появи та детермінант, що дасть змогу визначати особливості політичної участі, яка характерна для демократичних країн з різними політичними традиціями.